Пункт выд. абонементов
А 48
Сибирь
Томск,
Мариинск.
33(02)
К-98

РУКОВОДСТВО

КЪ

СОЦІАЛЬНОЙ НАУКѢ

КЭРИ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Принесено 30
1885

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

КН. Л. Н. ШАХОВСКОЙ.

Томская Областная Библиотека
Инв. № 4466

Томская Центральная библиотека
Инв. № 1
Шифр 33

Изданіе Кн. Шаховского.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1869

Предлагаемая книга есть переводъ послѣдняго сочиненія Кэри „Manual of Social science", вышедшаго въ Америкѣ въ 1865 году. Собственно говоря, это есть болѣе сжатое изданіе большого сочиненія того же автора: „Principles of Social science". Въ немъ Кэри выпустилъ всѣ слишкомъ большія историческія и экономическія подробности, касающіяся Сѣв. Американскаго Союза и имѣющія слишкомъ мѣстный интересъ. Но этимъ онъ отнюдь не нарушилъ цѣльности и полноты „Manual", такъ какъ въ своихъ опроверженіяхъ Мальтуса и Рикардо онъ не сходитъ съ исторической почвы и постоянно опирается на дѣйствительные факты. Того же правила держится онъ и при изложеніи своего новаго ученія, долженствующаго замѣнить ложную теорію британскихъ политико-экономовъ, такъ что его „Manual", составляя томъ въ 700 стр., вполнѣ замѣняетъ собою трехтомные „Principles" и становится, по цѣнѣ и объему, доступнымъ для большаго круга читающей публики. Кромѣ того, въ этомъ послѣднемъ сочиненіи сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія, которыхъ мы не находимъ въ первомъ. Благодаря любезному вниманію къ нашему переводу Автора, мы прилагаемъ при настоящей книгѣ портретъ Кэри, снятый съ фотографической карточки, полученной нами при письмѣ отъ 20 мая 1868 года.

Переводчикъ.

Лит. Гробова Нет. ст. Б вид №12.

ГЛАВА I.

О НАУКѢ И ЕЯ МЕТОДАХЪ.

§ 1. Положительное знаніе естественныхъ явленій получилось путемъ непосредственнаго наблюденія. Первыя абстрактныя понятія о естественныхъ законахъ были только предчувствіемъ опыта. Логика и математика суть только орудія, облегчающія пріобрѣтеніе научныхъ знаній, но сами не науки.

Первый человѣкъ, наблюдавшій день за день, хотя бы въ продолженіе только одной недѣли, за восходомъ и закатомъ солнца, легко могъ замѣтить, что восходъ постоянно сопровождается свѣтомъ, а за закатомъ неизмѣнно слѣдуетъ мракъ; этотъ замѣченный имъ фактъ и былъ первымъ грубымъ элементомъ положительнаго знанія или науки. Когда причина (восходящее солнце) была дана, человѣкъ уже не могъ не признать, что за этимъ послѣдуетъ помянутое явленіе. Дальнѣйшія наблюденія показали ему, что въ одни времена года свѣтило показывается въ извѣстной части неба и на землѣ бываетъ въ то время тепло, на деревьяхъ появляются сперва листья, а потомъ плоды; въ другія же времена года солнце показывается въ другихъ частяхъ небеснаго свода и тогда листья падаютъ и плоды исчезаютъ, предвѣщая наступленіе зимняго холода. Эти наблюденія увеличили запасъ знанія, а съ ними явилась предусмотрительность и сознаніе въ необходимости труда. Желая просуществовать въ холодное время года, человѣку слѣдовало приготовиться къ этому въ теплое время года, и

это одинаково понятно, какъ для кочующаго эскимоса на прибрежьяхъ арктическаго моря, такъ и для самаго образованнаго и глубокаго мыслителя Европы и Америки.

Первыми понятіями такого человѣка были идеи пространства, количества и формы. Солнце, очевидно, было далеко; между тѣмъ какъ изъ деревьевъ одни далеко, а другія близко. Луна была одна, а звѣздъ безчисленное множество. Деревья были высоки, а кустарники низки. Холмы были высоки и сходились своими склонами при вершинахъ, между тѣмъ какъ равнины были низки и плоски. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ понятіями, самыми абстрактными, простыми и очевидными. Идея пространства не измѣнится, будемъ ли мы разсматривать разстояніе между солнцемъ и звѣздами, его окружающими, или между горами и самими собой. Тоже самое и въ отношеніи количества и формы, которыя одинаково приложимы какъ къ песчинкамъ морскаго берега, такъ и къ исполинскимъ деревьямъ лѣсовъ и къ различнымъ небеснымъ тѣламъ, движущимся по тверди.

Затѣмъ, у человѣка явилось желаніе или необходимость сравнивать разстоянія, количества и величины, и средства для этого были у него подъ рукой, въ орудіяхъ, данныхъ природою и всегда находящихся въ его распоряженіи. Пальцы и руки служили ему мѣрою величины, а шаги имѣли то же самое значеніе въ отношеніи разстоянія. Образцомъ для сравненія различныхъ тяжестей могъ служить любой изъ окружавшихъ его простѣйшихъ предметовъ. Однако, разстоянія, скорости и размѣры во многихъ случаяхъ оказались недоступными для непосредственнаго измѣренія и, вслѣдствіе этого, явилась необходимость въ искусственномъ способѣ сравненія разстояній и неизвѣстныхъ величинъ, посредствомъ другихъ болѣе близкихъ предметовъ, доступныхъ для непосредственнаго измѣренія; такимъ образомъ возникла математика или наука по преимуществу, какъ ее называли греки, потому что съ помощью ея они пріобрѣли почти всѣ положительныя знанія, которыми располагали въ свое время.

Таблица умноженія даетъ возможность пахарю опредѣлять число дней, содержащихся въ извѣстномъ количествѣ недѣль, а купцу число фунтовъ, заключающихся въ тюкахъ хлопка. Столяръ съ помощью линейки опредѣляетъ разстояніе между концами доски, на которой онъ работаетъ. Лотъ даетъ возможность матросу узнавать глубину воды около корабля, а путешественникъ, съ помощью барометра, опредѣляетъ высоту горы, на которой стоитъ. Все это суть орудія, облегчающія пріобрѣ-

теніе знаній. Такое же значеніе имѣютъ и формулы математики, съ помощью которыхъ астрономъ опредѣляетъ величину и вѣсъ тѣлъ, отстоящихъ отъ него на милліоны милліоновъ миль, и, такимъ образомъ, рѣшаетъ безчисленное множество вопросовъ, въ высшей степени интересныхъ для человѣка. Онѣ суть ключъ къ наукѣ, но сами ни въ какомъ случаѣ не составляютъ науки, хотя очень часто ихъ относятъ къ числу послѣднихъ, какъ это, напр., сдѣлалъ весьма недавно Авг. Контъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи. Вслѣдствіе этого же ложнаго взгляда, многое, принадлежащее собственно къ физикѣ, отнесено къ области математики; какъ напримѣръ, великіе законы природы, открытые Кеплеромъ, Галилеемъ и Ньютономъ. Если на тѣло дѣйствуетъ одна сила, то оно должно двигаться по прямой линіи и съ постоянною скоростью, и дѣйствіе и противодѣйствіе въ этомъ случаѣ равны и противоположны—законъ природы, къ познанію котораго мы пришли путемъ извѣстнаго рода изслѣдованій; но, тѣмъ не менѣе, это все таки чисто физическій законъ, полученный только съ помощью орудія, носящаго названіе математики и представляющаго собой, по словамъ Авг. Конта «одно безграничное приложеніе естественной логики къ извѣстному роду наведеній.» *)

Но и сама логика, въ свою очередь, есть ни что иное, какъ другое такое же орудіе, находящееся въ распоряженіи человѣка и дающее ему возможность познавать законы природы. Земля представляется человѣку въ видѣ плоскости, и, кромѣ того, онъ видитъ, что солнце ежедневно восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ, откуда и можетъ уже вывести заключеніе о постоянствѣ этого явленія; но положительной увѣренности нѣтъ мѣста до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ, отчего это такъ происходитъ. Видя иногда затмѣніе солнца, а иногда затмѣніе луны, у человѣка является желаніе знать, что это такое и какой законъ управляетъ движеніемъ этихъ тѣлъ. Отыскавъ этотъ законъ, онъ уже въ состояніи предсказать, когда повторятся эти явленія, и можетъ опредѣлить время, когда они совершались въ прошломъ. Видя таяніе льда и соли, взрывы газа, разрушеніе стѣны и поглощеніе городовъ нѣдрами земли, человѣкъ старается узнать, отчего это происходитъ и какая связь существуетъ между этими явленіями и ихъ причинами? Съ цѣлью получить отвѣты на эти вопросы, онъ наблюдаетъ, собираетъ факты и приводитъ ихъ въ порядокъ, чтобы вывести

*) Cours de philosophie positive, par Auguste Comte Tome I.

изъ нихъ законы, управляющіе этими явленіями, и изобрѣтаетъ барометры, термометры и другіе инструменты, способствующіе ему производить наблюденія. Но послѣднею цѣлью во всемъ составляетъ желаніе получить отвѣтъ на вопросы: отчего происходитъ эти явленія? Почему одинъ день бываетъ роса, а въ другой ея нѣтъ? Отчего на этомъ полѣ хлѣбъ родится хорошо, а на томъ вымираетъ? Отчего уголь горитъ, а гранитъ нѣтъ? Какіе законы управляютъ въ мірѣ матеріею? Отвѣты на эти вопросы составляютъ науку—и математика, логика и всѣ другіе вспомогательные способы суть только простыя орудія, употребляемыя для этой цѣли.

Разсматривая раціональную механику, въ отдѣлѣ прочихъ математическихъ наукъ, Авг. Контъ предупреждаетъ читателей, что здѣсь «постоянно приходится встрѣчать сбивчивость между абстрактною и конкретною точками зрѣнія, между логическимъ и физическимъ, между искусственными понятіями, необходимыми для разъясненія законовъ равновѣсія и движенія, и естественными фактами, добытыми посредствомъ наблюденій и составляющими основаніе науки.» [1]) Другими словами, это значитъ, что съ увеличеніемъ числа естественныхъ фактовъ, получаемыхъ посредствомъ наблюденія, является необходимость въ болѣе усовершенствованныхъ орудіяхъ для ихъ изученія. Это же обстоятельство имѣетъ мѣсто и въ данномъ примѣрѣ Конта какъ это видно изъ того, что онъ признаетъ механику наукой, «основанной на нѣкоторыхъ общихъ фактахъ, добытыхъ наблюденіемъ и которыхъ мы не въ состояніи объяснить никакимъ образомъ.» [2]) Отворяя одну дверь за другою въ область науки, мы, такъ сказать, переходимъ отъ простѣйшаго замка къ болѣе сложному, для котораго требуется ключъ болѣе и болѣе сложнаго устройства. Но ключъ все-таки останется всегда ключемъ и не можетъ превратиться въ замокъ, хотя бы устройство его и сдѣлалось въ сто разъ сложнѣе тѣхъ ключей, которые изготовляются Bramah, Chubb или Hobbs, и хотя бы на ознакомленіе съ его механизмомъ потребовались года. Такимъ образомъ можетъ возникнуть нѣчто въ родѣ особой науки, которую можно назвать наукою ключа, но которая отнюдь не будетъ частью истинной науки въ собственномъ смыслѣ. Когда д'Аламбертъ, говоря словами Конта, свелъ «своимъ открытіемъ

---

[1]) Cours de philosophie positive, par Aug. Comte Tom. I.

[2]) Ibid.

изслѣдованіе движенія тѣлъ и системъ на рѣшеніе вопроса о равновѣсіи,» онъ только придѣлалъ новое усложненіе къ ключу, которымъ отмыкается кабинетъ природы, и, такимъ образомъ, расширилъ предѣлы науки, занимающейся изслѣдованіемъ свойствъ матеріи и законовъ, ею управляющихъ, и извѣстной подъ именемъ физики.

§ 2. Науки развивались отъ абстрактнаго къ конкретному, отъ тѣлъ къ атомамъ, отъ сложнаго къ простому. Отдѣльныя истины общи для всей природы, потому что естественные законы всюду и во всѣхъ приложеніяхъ одни и тѣже.

Абстрактная математика по необходимости должна была появиться прежде болѣе конкретной физики, потому что она исключительно есть продуктъ одной логики и зависитъ отъ тѣхъ основныхъ началъ, которыя настолько осязательны въ ея элементахъ, что ребенокъ, начинающій учиться геометріи, находитъ, что многое уже знаетъ изъ того, что теперь предлагаютъ ему въ видѣ науки. По этой же самой причинѣ, этика, поэзія, изящныя искусства и метафизика сдѣлали въ Греціи весьма значительные успѣхи, въ то время, какъ механика едва существовала.

По недостатку наблюденій, лица, склонныя къ спекулятивному мышленію, углубляются въ созерцаніе своего собственнаго ума и изобрѣтаютъ теоріи, которыя выдаются ими за законы міра. Но здѣсь кстати припомнить слѣдующее вполнѣ вѣрное изрѣченіе: «человѣкъ ничего не въ состояніи выдумать ни въ наукѣ, ни въ религіи, какъ одну только ложь, и всѣ открытыя имъ истины суть только факты или законы, которые исходятъ отъ творца.» Средневѣковые схоластики проповѣдывали теоріи, изобрѣтенныя ихъ предшественниками, греками, и только Бэкону первому пришлось возвѣстить міру ученіе, ведущее къ отысканію истины путемъ наблюденія явленій природы, а не одними спекулятивными соображеніями. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени постоянно обнаруживается стремленіе замѣнить мечтанія теоретиковъ тщательными наблюденіями и изведеніями, и какъ картезіанское ученіе о вихряхъ должно было очистить путь къ открытію закона всемірнаго тяготѣнія, такъ точно и воображаемый флогистонъ Сталя и плутоническая и нептуническая космогоніи должны были уступить мѣсто открытіямъ новѣйшей науки. Первое міровоззрѣніе было вытѣ-

снено кислородомъ Лавуазье, а второе держалось до тѣхъ поръ, пока не было опровергнуто наблюденіями геологовъ, возникновеніе науки которыхъ едва восходитъ къ прошлому столѣтію.

Что же касается физики, то и въ ней, какъ во всѣхъ наукахъ, наиболѣе абстрактное и общее появились прежде конкретнаго и спеціальнаго. Астрономія, наука о законахъ, управляющихъ тѣлами, находящимися внѣ предѣловъ нашей планеты, появилась весьма рано. Халдейскіе пастухи уже тщательно наблюдали движеніе небесныхъ тѣлъ, а вавилоняне вычисляли затмѣнія за 1,000 лѣтъ до начала христіанской эры. Съ помощью сіенскаго колодца Эратосфенъ получилъ необходимыя данныя для опредѣленія земнаго меридіана; а Архимедъ за много вѣковъ до Коперника училъ, что земля имѣетъ двоякое движеніе вокругъ своей оси и вокругъ солнца. Точная величина солнечнаго года была опредѣлена Гиппархомъ, а результаты мексиканскихъ этрурскихъ наблюденій въ этомъ отношеніи почти совершенно согласны другъ съ другомъ, такъ что разница между ними не превышаетъ десяти минутъ.

Такимъ образомъ, движеніе небесныхъ тѣлъ было изслѣдовано и объяснено весьма рано; но, тѣмъ не менѣе, все-таки на долю Ньютона выпало отыскать истинную причину паденія яблока, Франклину пришлось открыть тождественность молніи и электричества, Кавендишу—изслѣдовать составъ воздуха, которымъ мы дышимъ, Блеку—открыть существованіе скрытаго теплорода, а на долю современныхъ намъ наслѣдователей выпало отыскать законы, по которымъ совершаются процессы зрѣнія и слуха. Великое твореніе Лапласа, «Небесная механика», явилась продуктомъ того самаго времени, которое было свидѣтелемъ возникновенія новой науки, имѣвшей цѣлью объяснить составъ земнаго шара, на которомъ мы живемъ и движимся и отъ котораго получаемъ нашу пищу. Такимъ образомъ, мы видимъ, что чѣмъ ближе приближаемся мы къ человѣку, къ его цѣлямъ и стремленіямъ, тѣмъ болѣе и болѣе запаздываютъ положительныя знанія, тогда какъ необходимые для этого методы открыты гораздо ранѣе. Изучая исторію наукъ, нельзя невольно не согласиться съ Бюффономъ, «что, несмотря на громадный интересъ самопознанія, люди, по всей вѣроятности, несравненно лучше понимаютъ все, находящееся внѣ ихъ.» Руссо, въ свою очередь, справедливо замѣчаетъ, «что нужно много глубокомыслія, чтобы наблюдать ближайшія къ намъ явленія.»

Переходя отъ наиболѣе абстрактныхъ и общихъ законовъ, управляющихъ движеніемъ отдаленныхъ тѣлъ, къ опредѣленію составныхъ

частей вещества, окружающаго насъ непосредственно, мы находимъ новые законы, которые, однако, сами подчинены и вполнѣ гармонируютъ съ прежними законами. Химія, возникшая послѣ физики, занимается изслѣдованіемъ состава тѣлъ и входящихъ въ нихъ элементовъ, которые, тѣмъ не менѣе подчинены тѣмъ же законамъ, какъ и сами тѣла. Атомы въ анализахъ Кавендиша подчинены были тому же закону всемірнаго тяготѣнія, которому послушна и земля, и спутники Юпитера, и самъ Юпитеръ. «Различіе между физикою и химіею, говоритъ Контъ, гораздо труднѣе установить, чѣмъ между химіей и астрономіей; и, по мѣрѣ того, какъ новыя изслѣдованія открываютъ болѣе и болѣе тѣсную связь между этими науками, это становится день ото дня труднѣе и труднѣе.» [1]) Чтобы убѣдиться въ справедливости этого положенія, читателю стоитъ только припомнить, что физика своими новѣйшими громадными успѣхами много обязана трудамъ Кавендиша, Пристлея, Блека, Дави, Лавуазье, Фуркроа, Гейлюсака и другихъ первоклассныхъ химиковъ.

Въ другомъ мѣстѣ своего, въ высшей степени замѣчательнаго, очерка успѣховъ и постепеннаго развитія знаній, Контъ останавливаясь на тѣсной связи между физикой и химіей, съ одной стороны, и физіологіей, съ другой, говоритъ:

«Вслѣдствіе замѣчательнаго ряда электро-химическихъ явленій, химія, такъ сказать, становится продолженіемъ физики; а своими изслѣдованіями органическихъ соединеній она кладетъ основаніе физіологіи. Эта связь такъ существенна, что химики, незнакомые съ философіею наукъ, нерѣдко затруднялись, къ какой области знаній должно отнести данное частное явленіе: къ физикѣ, химіи или физіологіи.» [2])

«До сихъ поръ, говоритъ Контъ, почти не существуетъ никакой непосредственной зависимости между химіей и астрономіей, но когда наступитъ время для развитія конкретной химіи, т. е. время методическаго приложенія химіи къ изученію естественной исторіи земнаго шара, то астрономическія соображенія, безъ сомнѣнія, войдутъ въ нее и будутъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь, повидимому, нѣтъ никакой точки соприкосновенія между обѣими науками. При всемъ своемъ настоящемъ несовершенствѣ, геологія также отчасти намекаетъ намъ на такую необходимость, смутное предчувствіе которой, по всей

---

[1]) Cours de philosophie positive, par Aug. Comte. T. II.

[2]) Ibid. T. I.

вѣроятности, было уже въ умахъ мыслителей теологической эпохи, настойчиво пытавшихся соединить астрологію съ алхиміею. Дѣйствительно, нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы великіе внутренніе перевороты земнаго шара были совершенно независимы отъ его планетныхъ условій.» [1])

Переходя, такимъ образомъ, отъ физическихъ тѣлъ къ атомамъ, на которые они были разложены химиками, мы, прежде всего, находимъ, что эти атомы сами собою располагаются въ видѣ органическихъ и живыхъ формъ и служатъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій физіологіи растеній, животныхъ и человѣка, связь которой съ химіей Контъ объясняетъ такъ:

«Для физіологіи химія служитъ, вопервыхъ, исходною точкой, а вовторыхъ,—главнымъ орудіемъ ея изслѣдованій. Отдѣливъ, собственно такъ-называемыя, жизненныя явленія отъ животной жизни, мы ясно увидимъ, что первыя, по характеризующему ихъ двоякому движенію, существеннымъ образомъ принадлежатъ химіи. Органическіе процессы имѣютъ свои особенныя характеристическія свойства; но, разсматриваемые независимо отъ этихъ особенностей, они необходимо подчинены общимъ законамъ химическихъ явленій. Даже при изученіи живыхъ существъ съ чисто статической точки зрѣнія, химія становится необходимою для того, чтобы умѣть отличать съ достаточною точностью различные анатомическіе элементы, входящіе въ составъ какого-нибудь органическаго существа.» [2])

Далѣе, переходя къ біологіи, Контъ говоритъ:

«Біологія, по существу своему, непосредственно и всецѣло подчинена химіи. Анализируя жизненныя явленія, мы видимъ, что главная дѣятельность, постоянно совершающаяся въ организмѣ и характеризующая это состояніе, слагается изъ ряда процессовъ, сопровождаемыхъ чисто химическими соединеніями и разложеніями. Хотя жизненныя явленія, даже въ самыхъ несовершенныхъ организмахъ, рѣзко отдѣляются отъ общихъ химическихъ явленій, но, тѣмъ не менѣе, справедливо, что всѣ отправленія чисто органической жизни необходимо зависятъ отъ основныхъ законовъ разложенія и соединенія, составляющихъ предметъ химіи. Еслибы мы могли принять эту самую отдѣльность органической жизни отъ животной въ цѣломъ рядѣ явленій природы, какъ это за-

---

[1]) Cours de philosophie positive par Aug Comte. T. I.
[2]) Ibid. I, T.

мѣчено пока въ одномъ растительномъ царствѣ, то и тогда жизненные процессы должны бы подлежать однимъ только химическимъ изслѣдованіямъ, исключая, конечно, существенныхъ особенностей, отличающихъ ихъ въ раду другихъ молекулярныхъ явленій. Главный источникъ этого важнаго различія, какъ мнѣ кажется, должно искать въ томъ обстоятельствѣ, что каждое химическое столкновеніе не зависитъ отъ одного состава тѣлъ, между которыми оно происходитъ, но модифицируется ихъ собственною организаціей, т. е., вслѣдствіе ихъ анатомическаго устройства. Химія, очевидно, должна служить исходной точкой всякой раціональной теоріи питанія, секретаціи и, однимъ словомъ, всѣхъ отправленій растительной жизни, разсматриваемыхъ въ отдѣльности, изъ которыхъ каждое подчинено вліянію химическихъ законовъ, исключая, конечно, особенныхъ модификацій, зависящихъ отъ органическихъ условій.» [1])

Но физіологія, однакожъ, находится въ связи не съ одной только химіей. «При всей кажущейся отдаленности ея отъ астрономіи, между ними существуетъ гораздо тѣснѣйшая связь, говоритъ Контъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Я считаю, продолжаетъ онъ, болѣе чѣмъ невозможнымъ понять теорію тяжести и ея дѣйствій на организмъ безъ знанія теоріи всеобщаго тяготѣнія. Кромѣ того, по моему мнѣнію, положительно невозможно составить себѣ правильный научный взглядъ на условія жизни животнаго не принимая въ разсчетъ всѣхъ астрономическихъ элементовъ, характеризующихъ планету, на которой живетъ данное существо. Предполагая въ слѣдующемъ томѣ подробно разсмотрѣть насколько человѣчество находится въ зависимости отъ астрономическихъ условій, мы все-таки считаемъ необходимымъ слегка коснуться здѣсь этого предмета.»

«Астрономическія особенности, свойственныя нашей планетѣ, естественно, суть двухъ родовъ: статическія и динамическія. Важность статическихъ условій, по отношенію къ біологіи, съ перваго разу очевидна. Никто не сомнѣвается въ томъ, что для животной жизни имѣетъ важное значеніе: масса нашей планеты въ отношеніи къ солнцу, опредѣляющая напряженіе тяжести; а также ея форма, регулирующая направленіе силы; ея первоначальное равновѣсіе и правильное колебаніе жидкости, покрывающей значительную часть земной поверхности, съ кото-

---

[1]) Cours de philosophie positive, par Aug. Comte T. I.

рой тѣсно связано существованіе животной жизни; ея размѣръ, кладущій предѣлъ безконечному увеличенію породъ и, въ особенности, человѣческой породы; ея разстояніе отъ центра системы, обусловливающее, главнѣйшимъ образомъ ея температуру. Каждая внезапная перемѣна въ одномъ или болѣе изъ этихъ условій значительно измѣнитъ явленія жизни. Но вліяніе динамическихъ условій астрономіи на біологію еще важнѣе. Неподвижность полюсовъ и оси вращенія и равномѣрность угловой скорости суть условія, при отсутствіи которыхъ на землѣ была бы постоянная пертурбація въ органическомъ мірѣ, что, очевидно, несовмѣстно съ самымъ понятіемъ о жизни. Бюша уже указалъ на то, что періодическія остановки въ животной жизни подчинены суточному обращенію земнаго шара; но мы можемъ распространить это положеніе на всѣ періодическія явленія, совершающіяся въ организмѣ, какъ при его нормальномъ состояніи, такъ и при патологическомъ, допуская, однакожъ, при этомъ вліяніе второстепенныхъ и переходныхъ причинъ. Кромѣ того, многія другія соображенія заставляютъ принять, что общая продолжительность жизни и всѣ ея главныя фазы въ каждомъ органическомъ существѣ зависятъ отъ угловой скорости нашей планеты; ибо мы вправѣ допустить, что, при неизмѣнности всѣхъ остальныхъ условій, продолжительность жизни, въ особенности у животныхъ, была бы короче, если предположить, что жизненные феномены слѣдуютъ другъ за другомъ быстрѣе. Вращайся земля скорѣе, физіологическія явленія настолько же скорѣе смѣняли бы другъ друга, и жизнь, слѣдовательно, была бы короче; поэтому, продолжительность жизни можно принять зависящею отъ продолжительности дня. Въ случаѣ измѣненія продолжительности года, органическая жизнь опять измѣнилась бы. Но еще поразительнѣе то обстоятельство, что животная жизнь находится въ абсолютной зависимости отъ вида земной орбиты, какъ это было уже замѣчено выше. Еслибы эллипсисъ орбиты, вмѣсто своей почти круглой формы, получилъ такой эксентриситетъ, какъ у орбитъ кометъ, то какъ само вещество, такъ и органическая жизнь подверглись бы измѣненію, пагубному для животной жизни. Незначительность эксентриситета земной орбиты, такимъ образомъ, составляетъ одно изъ главныхъ условій біологическихъ явленій, почти столь же существенное, какъ и равномѣрность вращенія земли. Каждый изъ остальныхъ элементовъ годоваго движенія земли обнаруживаетъ болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на біологическія условія, хотя и не столь значительное, какъ предъидущіе. Такъ, напримѣръ, отъ наклонности плоскости земной

орбиты зависитъ дѣленіе земли въ климатическомъ отношеніи и, слѣдовательно, географическое распредѣленіе животной и растительной жизни. Измѣненіе во временахъ года, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на фазы индивидуальнаго развитія органическихъ существъ, и животная жизнь, безъ сомнѣнія, подверглась бы значительнымъ измѣненіямъ, еслибы движеніе узловой линіи ускорилось, такъ что даже и теперешнее ея ничтожное движеніе имѣетъ біологическую важность. Изъ этихъ соображеній видно, какъ необходимо для біологовъ основательное и самостоятельное изученіе астрономическихъ элементовъ, характеризующихъ нашу планету. Поверхностнаго знанія, въ этомъ случаѣ, недостаточно. Законъ предѣловъ измѣненія различныхъ элементовъ и научный анализъ главныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ постоянство, существенно важны для біологическихъ изслѣдованій, а этого можно достигнуть только при основательномъ знакомствѣ съ методами астрономическихъ изслѣдованій: геометрическимъ и механическимъ.»

«Съ перваго раза можетъ показаться аномаліею и нарушеніемъ энциклопедическаго порядка въ наукахъ, что астрономія и біологія непосредственно и тѣсно связаны между собою, тогда какъ двѣ другія науки занимаютъ между ними среднее мѣсто. Но, при всей безусловной необходимости физики и химіи, біологія и астрономія все-таки остаются, по существу своему, двумя главными отраслями натуральной философіи. Дополная одна другую, онѣ приводятъ въ раціональную гармонію всю систему нашихъ основныхъ понятій. Солнечная система и человѣкъ суть крайніе предѣлы, въ которыхъ навсегда должны вращаться всѣ наши идеи. Сперва солнечная система, а потомъ уже человѣкъ, согласно положительному ходу нашего спекулятивнаго мышленія; и обратный порядокъ въ дѣйствительной жизни, потому что законы человѣка зависятъ отъ законовъ системы, но, въ тоже время, сами не имѣютъ никакого вліянія на послѣдніе. Законы физики, служащіе дополненіемъ законовъ астрономіи, и законы химіи, составляющіе необходимое вступленіе въ біологію, занимаютъ среднее мѣсто между этими двумя полюсами натуральной философіи. Такова раціональная и неразрывная связь этихъ наукъ, и теперь становится яснымъ, почему я настаиваю на необходимости подчинить науку о человѣкѣ изученію солнечной системы, какъ предварительной философской характеристикѣ положительной біологіи.» [1])

---

[1]) Cours de philosophie positive.

Переходя теперь къ болѣе конкретной и спеціальной области знанія, имѣющей предметомъ отношенія человѣка къ человѣку и къ землѣ, отъ которой онъ получаетъ средства къ своему существованію, мы находимъ, что химія служитъ, въ этомъ случаѣ, основаніемъ, отрицая всякую идею разрушенія и творчества и констатируя тотъ фактъ, что потребленіе пищи есть необходимый шагъ къ ея воспроизведенію. Съ ея точки зрѣнія, человѣкъ, посвятившій себя земледѣлію, занятъ собственно приготовленіемъ орудія, которое поддерживаетъ его существованіе, въ то время, когда онъ занятъ приготовленіемъ этого орудія; и чѣмъ больше времени и ума употребляетъ человѣкъ на распространеніе своей власти на землѣ, тѣмъ значительнѣе становится потребленіе; а чѣмъ скорѣе слѣдуетъ потребленіе пищи за ея произведеніемъ, тѣмъ больше будетъ образовываться элементовъ, необходимыхъ для новаго воспроизведенія ея. Такой взглядъ на слѣдствія, вытекающія изъ вышеизложеннаго начала, отнюдь не долженъ казаться произвольнымъ выводомъ Конта. Напротивъ, онъ ясно показываетъ прямую связь между химіею и соціальною наукою, когда говоритъ, что, «до открытія газообразныхъ тѣлъ и продуктовъ, многія непонятныя явленія сами собой должны были внушить идею о дѣйствительномъ уничтоженіи и воспроизведеніи матеріи въ общей системѣ природы. Но эта идея не могла дать вѣрнаго понятія о разложеніи и соединеніи, до тѣхъ поръ, пока не разложили воздухъ и воду, не анализировали растительныя и животныя вещества и не окончили анализомъ щелочей и земель, пріобрѣтя, такимъ образомъ, основной принципъ безконечной непрерывности матеріи. Въ отдѣльныхъ явленіяхъ, химическій анализъ составныхъ частей живыхъ существъ и ихъ отправленій долженъ, несмотря на все свое несовершенство, бросить яркій свѣтъ на экономію животной жизни и доказать, что существованіе органической матеріи, отличной отъ неорганической, невозможно, и что жизненныя измѣненія, какъ и всѣ другія, подчинены всеобщему закону химическихъ явленій.»

Изучая эти факты, едвали возможно не прійти къ убѣжденію во всеобщности законовъ, управляющихъ матеріею, какую бы форму она ни принимала,—земли, угля, желѣза, пшеницы и человѣка—или же нагроможденій, въ видѣ системы горъ и многочисленныхъ человѣческихъ обществъ. Мы не можемъ представить себѣ ни одного тѣла безъ вѣса, точно также невозможно вообразить себѣ какого-либо тѣла не подчиненнымъ закону сложенія силъ. Будучи конкретнѣе и спеціальнѣе физики, химія и физіологія выводятъ дальнѣйшіе законы, которые

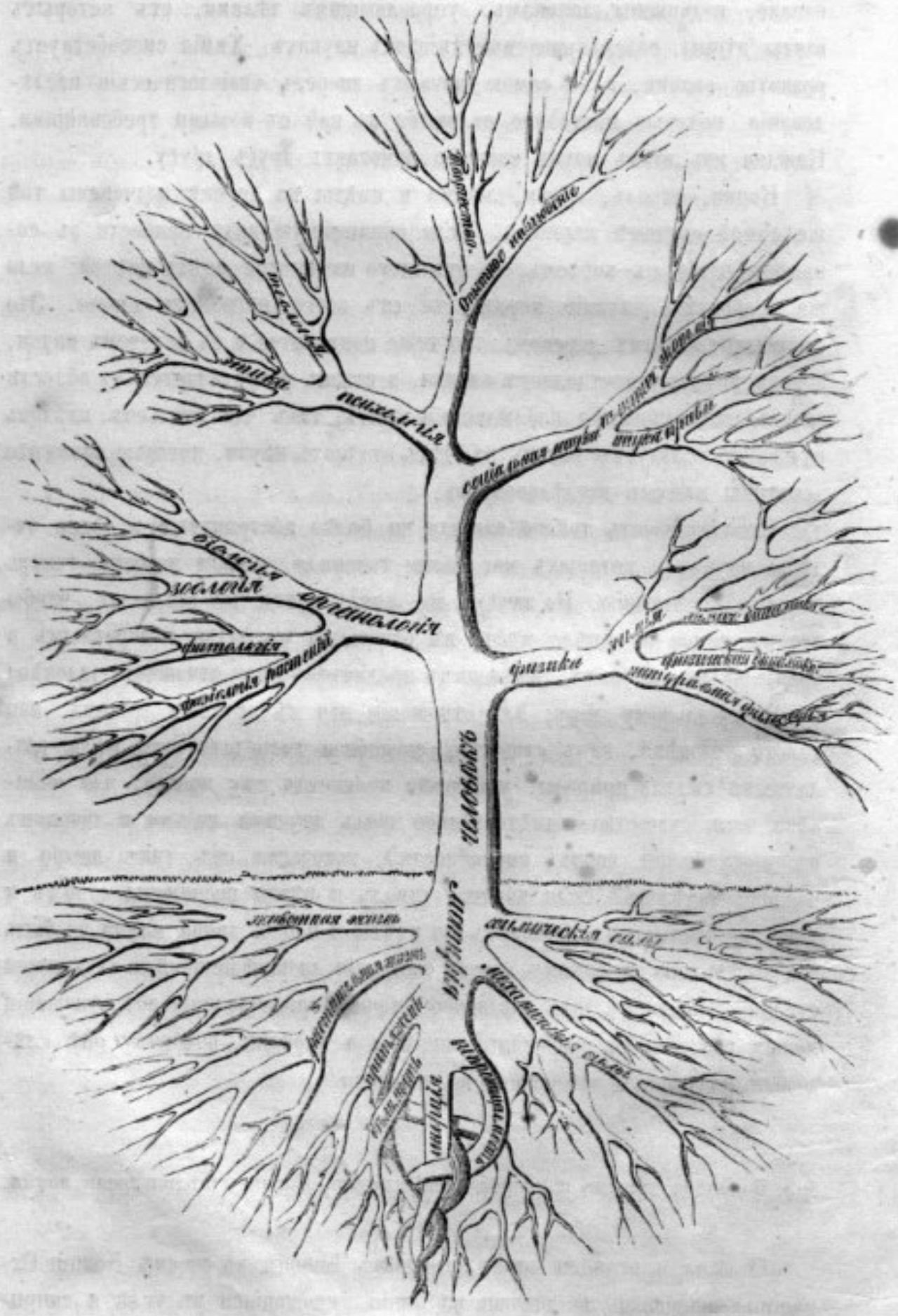
однако, подчинены законамъ, управляющимъ тѣлами, отъ которыхъ взяты атомы, разсматриваемые въ этихъ наукахъ. Химія способствуетъ развитію физики, а ее самою двигаютъ впередъ физіологическія изслѣдованія, которыя постоянно являются къ ней съ новыми требованіями. Каждая изъ этихъ наукъ взаимно помогаетъ другъ другу.

Корни, стволъ, сучья, листья и цвѣты на деревѣ подчинены той же самой системѣ законовъ. Если окрашенную воду привести въ соприкосновеніе съ корнемъ, то отъ этого измѣнится цвѣтъ цвѣтка; если же прекратить питаніе корней, то отъ этого погибнетъ дерево. Это съ обыкновеннымъ деревомъ; но тоже повторится и съ деревомъ науки, корень котораго составляетъ физика, а стволъ развѣтвляется на области знанія, основанныя на наблюденіи и опытѣ, такъ что листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ отдѣлахъ науки, которые наименѣе доступны нашимъ изслѣдованіямъ.

Справедливость такого взгляда на болѣе абстрактные и общіе отдѣлы наукъ, о которыхъ мы выше говорили, едвали можетъ теперь подлежать сомнѣнію. Но зачѣмъ же, послѣ этого, предполагать, чтобы это же самое не имѣло мѣста въ отношеніи къ болѣе конкретнымъ и спеціальнымъ наукамъ, имѣющимъ предметомъ: или отношенія человѣка къ матеріальному міру; или отношенія его къ другимъ людямъ; или самого человѣка, какъ существо способное господствовать надъ различными силами природы, могущими приносить ему пользу; или человѣка какъ существо, отвѣтственное предъ другими людьми и творцомъ въ употребленіи своихъ способностей, которыми онъ такъ щедро и чудесно надѣленъ? Если корень, стволъ и вѣтви подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, то могутъ ли цвѣты и плоды древа науки не быть подчинены тому же самому, и не въ состояніи ли помѣщенный на слѣдующей страницѣ рисунокъ дать наглядное и точное представленіе объ отношеніи между различными областями знаній и о порядкѣ, которому онѣ слѣдовали въ своемъ историческомъ развитіи?

§ 3. Бэконова система и подраздѣленіе наукъ, Корни и вѣтви древа науки.

«Отдѣлы и отрасли наукъ, говоритъ Бэконъ въ своемъ Novum Organum, нисколько не похожи на линіи, сходящіяся въ углѣ и соприкасающіяся другъ съ другомъ въ одной точкѣ. Ихъ скорѣе можно сравнить съ вѣтвями дерева, сходящимися въ стволѣ, который сперва

психология
физика
физиология растений
физиология животных
физиология человека
физическая сила
животная жизнь
растительная жизнь
органическая природа
неорганическая природа

нѣкоторое время возвышается въ видѣ цѣлаго непрерывнаго стержня, а потомъ уже пускаетъ отъ себя вѣтви и сучья. Поэтому, продолжаетъ Бэконъ, прежде чѣмъ приступать къ прямому подраздѣленію, полезно создать и организовать универсальную науку, подъ названіемъ энциклопедической философіи или Summary Philosophy, въ качествѣ главнаго и всеобщаго пути, который приводитъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ путь начинаетъ дѣлиться и развѣтвляться.»

При всемъ стараніи установить порядокъ и дѣленіе наукъ и исполнить свое обѣщаніе, Бэконъ не успѣлъ, однакожъ, сдѣлать этого, и первой части введенія, долженствовавшей содержать въ себѣ дѣленіе наукъ, нѣтъ. Издатель старался восполнить этотъ недостатокъ, но дополненія его скорѣе служатъ комментаріемъ къ самому тексту, насколько онъ показался ему требующимъ объясненій, чѣмъ пополняютъ этотъ пробѣлъ.

Въ обыкновенномъ разговорѣ, часто употребляется выраженіе «различныя вѣтви естественныхъ наукъ», но, на нашей фигурѣ, для бо́льшаго сходства съ предметомъ, дерево изображено не съ одними вѣтвями, но и съ корнями, которые суть собственно подземные сучья, служащіе опорой и доставляющіе жизненныя начала дереву, растущему изъ нихъ и съ ними. Стволъ, вѣтви, цвѣты и плоды суть, собственно говоря, претворенная пища, доставленная дереву при посредствѣ корней; слѣдовательно, нашъ рисунокъ вполнѣ согласенъ съ естественною исторіею предмета, который наглядно изображается имъ.

Главный веретенообразный корень представляетъ матерію, существенныя свойства которой суть: инерція, непроницаемость, дѣлимость и притяженіе. Боковые корни на одной сторонѣ означаютъ механическія и химическія силы, на другой — животную и растительную; а изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ корней выходитъ одинъ стволъ—человѣкъ, состоящій какъ разъ изъ всѣхъ своихъ природныхъ элементовъ. Хотя душа, эта тайная жизнь организма, не поддается наглядному представленію, но тѣмъ, не менѣе, она сама собою обнаруживаетъ свою способность мыслить и чувствовать въ цвѣтахъ и плодахъ.

Стволъ дерева сохраняетъ на нѣкоторое время непрерывность и цѣлость, прежде чѣмъ дробится и разчленяется, а потомъ уже пускаетъ отъ себя сучья въ различныя области дѣятельности. Эти сучья изображаютъ его функціи и, въ свою очередь, развѣтвляются на болѣе специфическіе роды приложенія. Первый сукъ на матеріальной сторонѣ изображаетъ физику, развѣтвляющуюся на натуральную философію и

химію, т. е. на тѣла и атомы, отъ которыхъ, въ свою очередь идутъ отростки, изображающіе механическую и химическую динамику, т. е. движеніе тѣлъ и движеніе атомовъ.

Главный сукъ на жизненной сторонѣ древа выростаетъ не много выше физики и необходимо долженъ изображать органологію, дѣлящуюся, вопервыхъ, на науку о растеніяхъ, фитологію, съ второстепенною вѣтвью, физіологіею растеній, и, вовторыхъ, на науку о животныхъ, зоологію, ведущую насъ къ біологіи или наукѣ о жизни.

Идя далѣе по стволу, мы видимъ, прежде всего, на одной сторонѣ вѣтвь соціальныхъ наукъ, подраздѣляющуюся на науку о правѣ и политическую экономію, а на другой—соотвѣтственную ей вѣтвь, психологію, съ второстепенными отпрысками: этикою и теологіею. Дерево на вершинѣ своей оканчивается двумя вѣтвями: съ матеріальной стороны творчествомъ, съ жизненной—непосредственнымъ наблюденіемъ. Эти послѣднія наивысшія вѣтви суть источники иной науки, или наукъ, которыя находятся за предѣлами метафизики, выше ея, и, по словамъ Бэкона, «мы даже не знаемъ, въ состояніи ли человѣческое изслѣдованіе достигнуть этой высшей точки, найти высшій совокупный законъ всей природы,» т. е., привести все ученіе въ порядокъ и систему.

Въ этой схемѣ вовсе нѣтъ ни логики, ни математики, наукъ, регулирующихъ соотвѣтственно разумъ и матерію. Ни одна изъ нихъ не принадлежитъ къ естественной исторіи и обѣ имѣютъ значеніе простыхъ орудій, употребляемыхъ для изученія природы.

Въ историческомъ отношеніи замѣчательно, что вершина древа науки, какъ, вообще, всякаго дерева, появилась первою; слѣдующіе затѣмъ подъ нею сучья рано выросли, но созрѣли позднѣе: религіозный и умственный инстинкты проявляются въ полной силѣ еще во младенческомъ состояніи человѣчества. Съ появленіемъ общественныхъ формъ и съ пробужденіемъ спекулятивной способности, возникли соціальныя науки, по необходимости, и метафизика, произвольно. Онѣ скоро принесли цвѣты и плоды, т. е. музыку, поэзію, изящныя искусства, логику, математику и тѣ обобщенныя спекулятивныя истины, которыя являются продуктами воображенія и размышленія. Слѣдовательно, наше наглядное изображеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ даннымъ, заключающимся въ самомъ предметѣ.

Съ теченіемъ времени, вѣтви, ближайшія къ землѣ, вслѣдствіе своего матеріальнаго свойства и большой зависимости отъ наблюденій, получаютъ чрезвычайно разнообразное развитіе, по своему практиче-

ТОМСКАЯ ЦЕНТРАЛЬН. БИБЛИОТЕКА
— 17 Инв. № Шифр

скому значенію. Науки о веществѣ, о природѣ, растутъ и развѣтвляются почти до безконечности; физика и органологія пускаютъ отъ себя вѣтви по разнымъ направленіямъ наблюденія и опыта, находясь, первыя, подъ сѣнью спекулятивныхъ вѣтвей, растущихъ надъ ними и всегда на нихъ живительно дѣйствующихъ. Онѣ, въ свою очередь, достигнувъ періода зрѣлости, платятъ имъ тѣмъ же, доставляя спекулятивному знанію матеріальную поддержку и давая ему правильное направленіе.

Таковъ историческій ходъ развитія наукъ и таково ихъ систематическое дѣленіе, ихъ послѣдовательность и ихъ взаимная подчиненность; и на рисункѣ наглядно изображена сложная природа человѣка, со всѣми источниками его умственныхъ силъ и порядкомъ развитія.

ПРОВЕДЕНО 39 У805
Томская Областная Библиотека Инв. № 4446 Библиот

§ 4. Въ математикѣ науки имѣютъ чисто теоретическій характеръ, а по мѣрѣ того, какъ онѣ приходятъ въ возрастъ положительнаго знанія, гипотезы уступаютъ мѣсто законамъ. Математика служитъ орудіемъ, регулирующимъ ихъ развитіе, изучая далекое съ помощью близкаго, а прошедшее и будущее съ помощью настоящаго. Методъ изслѣдованія одинъ и тотъ же во всѣхъ отрослях знанія. Контъ, отрицая это, не находитъ философіи въ исторіи и не въ состояніи создать соціальной науки.

Желая пріобрѣсть господство надъ матеріею, человѣкъ, вслѣдствіе этого, стремится къ познанію законовъ, управляющихъ ею. Законъ существуетъ только тамъ, гдѣ есть правильная и однообразная послѣдовательность причинъ и слѣдствій, свойство которыхъ можетъ быть выражено въ формѣ отдѣльныхъ положеній — такъ, чтобы мы, наблюдая первыя, могли предсказать послѣднія, или же, наблюдая послѣднія, могли съ увѣренностью предположить о существованіи первыхъ.

Во времена младенческаго состоянія обществъ, теоріи возникали во множествѣ и это происходило оттого, что, по недостатку знанія, почти на каждое явленіе смотрѣли, какъ на случайное, или приписывали его непосредственному участію миѳологическихъ силъ, о которыхъ имѣли такія обычныя понятія, что самая идея зависимости отъ нихъ явленій почти ничѣмъ не отличалась отъ взгляда, что все совершается чисто случайно и не можетъ быть подведено ни подъ какой порядокъ и начало. Такъ, напримѣръ, греки временъ Гомера обращались за помощью къ воображаемымъ богамъ, которые руководились въ своихъ

дѣйствіяхъ тѣми же чувствами и страстями, какими сами ихъ почитатели, точь въ точь, какъ теперь поступаетъ бѣдный африканецъ, приносящій пальмовое вино, ромъ, хлѣбъ или масло въ жертву дереву, камню, крокодилу или связкѣ лоскутьевъ, служащихъ ему идолами. Но, съ теченіемъ времени, правильная послѣдовательность явленій и причинъ становится понятною, и съ каждымъ шагомъ прогресса теорія уступаетъ мѣсто знанію, которое даетъ человѣку средства направлять силы природы въ свою пользу. Съ каждымъ такимъ шагомъ всеобщность законовъ природы становится болѣе и болѣе очевидною, и человѣкъ пріобрѣтаетъ новыя доказательства того, что самыя исключенія суть только кажущіяся и, при тщательномъ анализѣ и основательномъ изученіи, подтверждаютъ самое правило: какъ, напримѣръ, дымъ поднимающійся по направленію, противоположному тому, по которому всѣ тѣла, входящія въ составъ земнаго шара, стремятся къ его центру. [1])

Повидимому, цѣлію Конта было доказать всеобщность закона и этимъ самымъ установить единство науки. Вышеприведенныя выписки сдѣланы изъ его сочиненія, долженствовавшаго служить введеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніемъ другаго сочиненія, спеціально посвященнаго соціальной наукѣ. Этотъ обѣщанный имъ трудъ уже появился, но какъ въ немъ, такъ и въ первомъ сочиненіи, имѣющемъ предметомъ человѣка и его занятія, онъ съ намѣреніемъ не пользуется математическимъ методомъ, которому такъ много обязаны ранѣе появившіяся и наиболѣе разработанныя области знанія. Въ этомъ случаѣ, онъ остался вѣренъ своему взгляду на математику, какъ на науку, а не какъ на простое орудіе для пріобрѣтенія научнаго знанія. Такъ, останавливаясь на химіи, онъ говоритъ, «что всякая попытка подвести химическіе вопросы подъ математическія доктрины должна считаться, какъ теперь, такъ и въ будущемъ, совершенно ирраціональной, потому

---

[1]) Quand on envisage l'ensemble complet des travaux de tout genre de l'espèce humaine, on doit concevoir l'étude de la nature comme destinée à fournir la véritable base rationelle de l'action de l'homme sur la nature, puisque la connaissance des lois des phénomènes, dont le résultat constant est de nous les faire prévoir, peut seule évidemment nous conduire, dans la vie active, à les modifier à notre avantage les uns par les autres. En résumé, science, d'où prévoyance; prévoyance, d'où action: telle est la formule trés simple qui exprime, d'une manière exacte, la relation générale de la science et de l'art, en prenant ces deux expressions dans leur acception totale.—Comte T. 1 pages. 50 et 51.

что она противорѣчитъ самой природѣ явленій.» [1]) Но что же это за доктрины? Не суть ли это простыя формулы, приложенныя къ особеннымъ условіямъ даннаго случая, подлежащаго разсмотрѣнію? Конечно, да! Геометръ говоритъ, что цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, вмѣстѣ взятымъ, и что половины какой-нибудь величины равны между собою,— аксіомы, всюду приложимыя и одинаково истинныя для всѣхъ тѣлъ, будутъ ли они подлежать изслѣдованію химика, соціолога или землемѣра; но, тѣмъ не менѣе, сами по себѣ онѣ не составляютъ въ сущности никакого вопроса доктрины.

Контъ въ одномъ мѣстѣ совершенно случайно указываетъ на настоящее значеніе математики, говоря, что она — «чрезвычайно полезное орудіе;» но если она—орудіе, то уже не можетъ быть наукой, точно такъ, какъ ключъ не можетъ быть замкомъ. Математическій методъ, какъ орудіе, всюду примѣнимъ, каковъ бы ни былъ предметъ изслѣдованія. Этотъ методъ есть анализъ, т. е. изученіе каждой отдѣльной причины, стремящейся произвести данное явленіе. Этому методу мы одолжены всѣми открытіями Коперника, Ньютона, Кеплера и ихъ послѣдователей; тому же самому методу слѣдуетъ и химикъ, начинающій изслѣдованіемъ отдѣльныхъ силъ въ каждомъ изъ своихъ различныхъ ингредіентовъ и кончающій выводомъ закона явленій. Физіологъ анализируетъ то, что извѣстно, съ цѣлью вывести то, что неизвѣстно, и употребляетъ для этого формулы, соотвѣтствующія особенному роду предметовъ, надъ которыми онъ производитъ изслѣдованіе. При изученіи скелета, онъ пользуется формулами физики; при изслѣдованіи состава крови, онъ прибѣгаетъ, по необходимости, къ формуламъ химика, въ которыхъ воплощены знанія, полученныя наблюденіями предшествовавшихъ ученыхъ. Но Контъ отрекается отъ этого метода въ слѣдующихъ выраженіяхъ, сказанныхъ имъ по поводу соціальныхъ наукъ:

«Научное изученіе общественныхъ условій и общественнаго движенія немыслимо, если изученіе будетъ производиться по частямъ, каждая часть отдѣльно. Я уже говорилъ объ этомъ по отношенію къ политической экономіи. Матеріалъ для различныхъ отдѣловъ науки можно заимствовать изъ наблюденій, и такого рода наблюденія даже необходимы, но это ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать наукою. Методи-

---

[1]) Cours de philosophie positive. par Comte T. I.

ческое подраздѣленіе изслѣдованія, которое имѣетъ мѣсто въ простыхъ неорганическихъ наукахъ, совершенно нерацiонально по отношенію къ новѣйшимъ сложнымъ общественнымъ наукамъ и не поведетъ ни къ чему. Конечно, можетъ наступить время, когда нѣкоторое подраздѣленіе сдѣлается осуществимымъ и желательнымъ; но теперь пока невозможно даже предугадать, что послужитъ основаніемъ для такого дѣленія, потому что принципъ для этого долженъ самъ собою явиться, вслѣдствіе развитія науки, а самое развитіе науки не можетъ совершиться иначе, какъ разработкою ея, какъ цѣлаго.» [1])

«Въ органическихъ наукахъ элементы извѣстнѣе для насъ цѣлаго, и потому, въ этомъ случаѣ, мы должны идти отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Но при изученіи человѣка и общества необходимо слѣдовать обратному методу; человѣкъ и общество, какъ цѣлые, намъ лучше извѣстны и болѣе доступны для нашего изученія, чѣмъ части, изъ которыхъ они состоятъ. При изученіи вселенной, цѣлое для насъ недоступно; между тѣмъ какъ, при изученіи человѣка и общества, трудность заключается въ подробностяхъ. Мы уже видѣли, говоря о біологіи, что общая идея животной жизни понятнѣе и легче для нашего ума, чѣмъ простѣйшее представленіе растительной природы; человѣкъ есть біологическая единица, и идея о немъ есть самая сложная и составляетъ исходную точку спекулятивнаго мышленія въ отношеніи животной жизни. Такимъ образомъ, если мы сравнимъ обѣ половины натуральной философіи, мы увидимъ, что, въ одномъ случаѣ, ея крайняя сложность, въ другомъ, ея чрезвычайная простота составляютъ предметы, лежащіе внѣ предѣловъ нашихъ изслѣдованій.» [2])

Со стороны Конта это шагъ назадъ; къ тому, что онъ называетъ «метафизическою ступенью наукъ.» Древній философъ точно такъ же сказалъ бы: «эти массы гранита извѣстны намъ лучше частей, изъ которыхъ онѣ состоятъ, и, слѣдовательно, мы ограничимся въ нашихъ изслѣдованіяхъ вопросами: почему онѣ имѣютъ свою теперешнюю форму и отчего занимаютъ свое настоящее положеніе.» Но безъ химическаго анализа точно такъ же было бы рѣшительно невозможно проникнуть въ подробности куска камня и узнать составъ отдаленной горы, съ которой онъ взятъ, какъ для насъ было бы невозможно про-

---

[1]) Cours de philosophie positive, par Comte T. II.
[2]) Ibid.

никнуть въ подробности отшедшихъ обществъ, еслибы мы не жили теперь сами среди существующихъ обществъ, состоящихъ изъ людей, надѣленныхъ тѣми же свойствами и одушевленныхъ тѣми же чувствами и страстями, которыя существовали и у древнихъ людей, и еслибы мы, кромѣ того, не обладали множествомъ фактовъ, накопившихся въ теченіе многихъ протекшихъ столѣтій. Намъ необходимо сперва изучить подробности окружающей насъ жизни, начиная анализомъ и восходя до синтеза, какъ это дѣлаетъ химикъ, разлагая кусокъ гранита на атомы и узнавая, такимъ образомъ, составъ массы. Узнавъ, что гранитъ состоитъ изъ кварца, полеваго шпата и слюды, и основательно изучивъ обстоятельства, при которыхъ минералъ появляется въ данной мѣстности, онъ пріобрѣтаетъ полную увѣренность, что гдѣ бы въ другомъ мѣстѣ ни былъ найденъ гранитъ, его составъ и его положеніе въ ряду формацій будутъ тѣ же самые. Химикъ постоянно идетъ отъ близкаго и извѣстнаго, которое онъ анализировалъ и изслѣдовалъ, къ отдаленному и неизвѣстному, которое онъ не можетъ изслѣдовать; онъ изучаетъ послѣднее съ помощью формулъ, полученныхъ чрезъ анализированіе перваго. Такимъ образомъ, изучивъ пласты Сибири и Калифорніи, геологъ могъ предсказать, что въ горахъ Австраліи будетъ найдено золото.

Желая уразумѣть прошедшую исторію человѣка или исторію отдаленнаго отъ насъ народа, мы должны начать изученіемъ настоящаго, и когда мы овладѣемъ его прошлымъ и настоящимъ, то можно уже тогда предсказать и будущее. Для этого, мы должны поступать съ обществомъ, какъ химикъ поступаетъ съ кускомъ гранита, разлагая его на отдѣльныя части и изучая каждую часть особо; мы должны изслѣдовать, каковы были бы дѣйствія человѣка, еслибы онъ былъ предоставленъ самому себѣ, и сравнить эти независимыя дѣйствія съ тѣми, какія есть на самомъ дѣлѣ въ обществѣ; затѣмъ, съ помощью того самаго закона, которымъ пользуется математикъ, физикъ, химикъ и физіологъ, т. е. съ помощью закона сложенія силъ, мы можемъ вывести законъ явленій. Но, поступая такимъ образомъ, мы отнюдь не слѣдуемъ по пути Конта который указываетъ на отдаленное неизвѣстное,—древнія общества,—какъ на средство для пониманія дѣйствій окружающихъ насъ людей и для предсказанія того, какими они будутъ въ будущемъ. При всемъ уваженіи къ Конту, мы должны сознаться, что этотъ путь равносиленъ тому, еслибы снабдить читателя телескопомъ для изученія съ

помощью его горъ на лунѣ, чтобы облегчить ему этимъ пониманіе явленій въ его лабораторіи.

Вслѣдствіе этого извращеннаго и ложнаго метода, Контъ необходимо приходитъ къ выводамъ, несогласнымъ съ природнымъ инстинктомъ человѣка и прямо противоположнымъ тѣмъ стремленіямъ мысли и труда, которыя постоянно обнаруживались въ прогрессивномъ движеніи человѣчества, какъ древняго, такъ и новаго міра. Его читатели, вслѣдствіе этого, не только не въ состояніи понять причинъ существующей теперь путаницы и найти полезное противъ нея лѣкарство, но они, въ этомъ случаѣ, похожи на врача, который ограничился бы наружнымъ изслѣдованіемъ пациента въ цѣломъ, опуская всѣ вопросы о состояніи печени, желудка и мозга. Его система соціологіи не можетъ объяснить прошлаго и, слѣдовательно, не можетъ быть употреблена для руководства въ будущемъ. Это происходитъ отъ того, что онъ отказывается отъ метода физики, по которому слѣдуетъ изучать близкое и извѣстное, съ цѣлью уразумѣть удаленное и неизвѣстное, и изучать настоящее, чтобы по немъ уразумѣть прошлое и предсказать въ будущемъ тѣ событія, которыя непремѣнно произойдутъ въ немъ отъ подобныхъ же причинъ.

§ 5. Британская школа экономистовъ разсматриваетъ не дѣйствительнаго человѣка, живущаго въ обществѣ, а искусственное произведеніе своей собственной системы.—Ея теорія занимается собственно низшими инстинктами человѣчества, а на высшіе смотритъ, какъ на побочное обстоятельство, чуждое системѣ.

Перейдемъ теперь отъ Франціи къ Англіи, къ этой родинѣ Адама Смита, въ которой его чрезвычайно плодотворное ученіе было совершенно отвергнуто послѣдователями новѣйшей школы, основанной Мальтусомъ и Рикардо. «Соціальная наука, говоритъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей, не раздѣляющій взглядовъ Конта, есть дедуктивная наука; но, конечно, продолжаетъ онъ, не по образцу геометріи, а по образцу высшихъ физическихъ наукъ. Она выводитъ законъ каждаго явленія изъ закона причины, отъ которой зависитъ явленіе, но не изъ закона одной только причины, какъ при геометрическомъ методѣ, а принимаетъ во вниманіе всѣ причины, которыя

вліяютъ на данное явленіе, и совокупляетъ эти законы другъ съ другомъ. [1])

Такова теорія; а какова практика, это мы и разсмотримъ теперь. «Политическая экономія, говоритъ тотъ же писатель, разсматриваетъ человѣчество, какъ исключительно занятое пріобрѣтеніемъ и потребленіемъ цѣнностей, и стремится показать, каковъ былъ бы путь дѣятельности человѣчества, живущаго въ обществѣ, еслибы этотъ мотивъ руководилъ всѣми его дѣйствіями, оставляя при этомъ въ сторонѣ тотъ случай, когда оно задержано двумя противоположными мотивами: отвращеніемъ къ работѣ и желаніемъ цѣнныхъ наслажденій. Она показываетъ, что, подъ вліяніемъ этого мотива, человѣчество:—накопляетъ цѣнности и употребляетъ ихъ для производства другихъ цѣнностей;—устанавливаетъ, по взаимному соглашенію, начало собственности и законы, карающіе людей за посягательства на чужую собственность силою и обманомъ;—принимаетъ различныя мѣры для увеличенія производительности своего труда;—устанавливаетъ распредѣленіе выгодъ, по взаимному соглашенію, подъ вліяніемъ конкуренціи, и употребляетъ различныя средства для облегченія распредѣленія цѣнностей. Всѣ эти операціи, въ дѣйствительности, суть результатъ множества побужденій, но политическая экономія разсматриваетъ ихъ, какъ исключительно вытекающія изъ жажды пріобрѣтенія. Это не потому, чтобы кто-либо изъ политико-экономовъ былъ настолько нелѣпъ, чтобы предположить человѣчество въ дѣйствительности такъ устроеннымъ; но потому, что такова должна быть точка зрѣнія, съ которой отправляется наука въ своихъ изслѣдованіяхъ.» [2])

«Кромѣ того, сюда слѣдуетъ включить вопросъ о народонаселеніи, ради его практической важности, хотя, собственно говоря, это будетъ отступленіемъ отъ научной строгости предмета.» [3])

Принявъ это, субъектъ политической экономіи, человѣкъ, является предъ нами, съ одной стороны, подъ вліяніемъ жажды пріобрѣтенія, съ другой, подъ вліяніемъ половаго влеченія, которому онъ готовъ предаваться во всякое время, хотя бы отъ излишняго удовлетворенія этой страсти задерживалось самое накопленіе цѣнностей.

---

[1]) J. S. Mill, System of Logic. B. 6: VI, ch. 8.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

Но что же это такое, чего такъ неутомимо добивается человѣкъ? Что такое богатство? Политическая экономія не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, и до сихъ поръ нѣтъ точнаго опредѣленія того, что должно понимать подъ словомъ богатство. Если принять, что земля составляетъ нѣкоторую часть богатства, то на это можно возразить, что, въ силу великаго закона природы, чѣмъ большее пространство земли воздѣлывается и чѣмъ большее количество труда затрачивается на улучшеніе ея, тѣмъ меньшее получается вознагражденіе за человѣческія усилія, тѣмъ бѣднѣе становится общество и тѣмъ сильнѣйшая обнаруживается склонность къ бѣдности и смерти. Въ подтвержденіе этого можно привести нѣсколько мѣстъ изъ писателей, пользующихся большимъ авторитетомъ. Если принять, что богатство должно искать въ развитіи индивидуальныхъ способностей, то достаточнымъ опроверженіемъ этого можетъ служить уже то, что нетолько всякіе поиски въ этомъ родѣ будутъ тщетны, но что результатомъ ихъ будетъ непремѣнно тотъ выводъ, что всякое увеличеніе числа учителей сопровождается уменьшеніемъ количества цѣнностей, находящихся въ распоряженіи всего человѣчества. Потерпѣвъ неудачи въ поискахъ своихъ, изслѣдователю, послѣ тщательнаго изученія всѣхъ книгъ, все-таки придется повторить вопросъ: что же такое богатство?

Обратившись, затѣмъ, къ существу, столь прилежно преслѣдующему то неопредѣленное нѣчто, которое, повидимому, заключаетъ въ себѣ такъ много и, однакожъ, въ тоже время, исключаетъ значительную часть предметовъ, обыкновенно принимаемыхъ за цѣнные, у изслѣдователя является желаніе удостовѣриться, дѣйствительно ли человѣкъ есть предметъ политической экономіи. Можетъ быть, онъ спроситъ тогда себя, не имѣетъ ли человѣкъ другихъ качествъ, кромѣ тѣхъ, которыя ему приписываются здѣсь? На самомъ ли дѣлѣ, онъ, подобно скотамъ, осужденъ на одно снискиваніе пищи и убѣжища для своего тѣла? Рождаетъ ли онъ дѣтей, подобно имъ, для единственнаго удовлетворенія своей страсти, и покидаетъ ли онъ ихъ, какъ они, когда дѣти могутъ уже сами снискивать себѣ пропитаніе и убѣжище? Не примѣшиваются ли въ его заботы о женѣ и дѣтяхъ чувство и расположеніе? Развѣ онъ не одаренъ способностію судить о томъ, что полезно и что вредно ему? Существованіе этихъ качествъ нельзя отрицать: оно для каждаго очевидно. Но политико-экономъ станетъ убѣждать, что его наука имѣетъ предметомъ одно матеріальное богатство и совершенно исключаетъ цѣнность чувствъ и мысли, столь высоко уважаемую Адамомъ Смитомъ. Такимъ обра-

зомъ, въ заключеніе всѣхъ своихъ поисковъ, лицо, интересующееся отвѣтомъ на свой вопросъ, придетъ къ тому открытію, что предметъ политической экономіи на самомъ дѣлѣ не человѣкъ, а воображаемое существо, дѣйствіями котораго управляютъ сильныя страсти и который употребляетъ всю свою энергію на преслѣдованіе чего-то столь неопредѣленнаго по своей природѣ, что во всѣхъ извѣстныхъ книгахъ нельзя найти опредѣленія его, признаннаго собраніемъ экономистовъ обнимающимъ въ себѣ все, что должно входить въ него, и исключающимъ все, что не должно входить.

По закону сложенія силъ, мы должны изучить всѣ причины, стремящіяся произвести данное явленіе. Въ данномъ случаѣ, это явленіе есть человѣкъ въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ; и соціологъ, исключающій изъ своихъ изслѣдованій его чувства, привязанности и умъ, которымъ онъ одаренъ, дѣлаетъ такую же ошибку, какую сдѣлалъ бы физикъ, еслибы онъ, обращая исключительное вниманіе на тяготѣніе и вовсе не принимая въ разсчетъ теплоты, вывелъ бы отсюда заключеніе, что не далеко то время, когда вся матерія, входящая въ составъ земнаго шара, обратится въ твердую массу, а растенія, животныя и человѣкъ исчезнутъ. Въ этомъ то и заключается заблужденіе новѣйшей политико-экономической науки, и слѣдствія этого обнаруживаются въ томъ, что она для своихъ изслѣдованій берегъ просто дикое животное, назвать которое именемъ человѣка значило бы унизить понятіе, соединенное съ этимъ словомъ и принимаемое Адамомъ Смитомъ за выраженіе идеи существа, подобнаго Творцу.

Гёте прекрасно выразился, сказавъ: «Какое же это сближеніе съ природою, если, благодаря аналитическому методу, мы занимаемся одними матеріальными частями и вовсе не чувствуемъ дыханія духа, который даетъ каждой части надлежащее направленіе и въ силу присущаго ему закона, приводитъ въ порядокъ и утверждаетъ всякое уклоненіе.» Послѣ этого, скажемъ мы, въ свою очередь,—въ чемъ же заключается достоинство аналитическаго метода, если онъ ограничивается одними матеріальными частями человѣка, общими ему и животнымъ, и исключаетъ тѣ, которыя присущи одному ему и ангеламъ? Но новѣйшая политическая экономія идетъ по этому пути и нетолько не чувствуетъ дыханія духа, но даже не знаетъ вовсе о существованіи его, какъ это видно, напр., изъ ея опредѣленія, такъ-называемой, естественной нормы трудовой платы, «которая есть денежное вознагражденіе, необходимое для всѣхъ работниковъ, вмѣстѣ взятыхъ, чтобы они

могли существовать и продолжать свой родъ, не увеличивая и не уменьшая, однакожъ, численной величины рабочаго сословія» [1]); другими словами, это значитъ такая плата, которая однимъ дастъ возможность жить въ довольствѣ и продолжать свой родъ, а другихъ, въ тоже самое время, заставитъ умирать съ голоду, жажды и холода. Таково ученіе системы, которая вполнѣ заслужила названіе «мрачной науки» и изученіе которой привело Сисмонди къ вопросу: «Что же, послѣ этого: неужели богатство—все, а человѣкъ—абсолютно ничто?» Въ глазахъ новѣйшей политической науки онъ, дѣйствительно, ничто и не можетъ не быть ничѣмъ, потому что она не беретъ во вниманіе качествъ, отличающихъ его отъ животнаго и, вслѣдствіе этого, приходитъ къ тому взгляду, что человѣкъ есть простое орудіе капитала, владѣлецъ котораго, при посредствѣ этого орудія, получаетъ вознагражденіе за то, что пользуется своимъ капиталомъ. «Нѣкоторые экономисты, говоритъ одинъ замѣчательный французскій политико-экономъ, пораженный матеріалистическимъ характеромъ этой, такъ называемой, науки, выражаются такъ, какъ будто они считаютъ, что человѣкъ созданъ для продуктовъ, а не продукты для человѣка» [2]); и къ такому выводу необходимо долженъ придти каждый, кто начинаетъ аналитическимъ методомъ и кончаетъ исключеніемъ всѣхъ высшихъ и отличительныхъ качествъ человѣка.

§ 6. Всѣ науки и всѣ ихъ методы входятъ въ составъ соціологіи.—Анализъ ведетъ къ синтезу.—Наука одна и нераздѣльна.—Экономическія отношенія человѣка требуютъ математическихъ формулъ, и только съ помощью ихъ могутъ обратиться въ систематическія истины.—Законы соціальной науки еще не установлены.—Термины теоритиковъ крайне неопредѣленны и сбивчивы.

Успѣхи знанія постоянно заставляютъ насъ переходить отъ сложнаго къ простому, отъ труднаго и непонятнаго къ легкому и ясному. Еще Декартъ утверждалъ, что всѣ простыя идеи суть истины, и подтвержденіе этого можно найти всюду въ изящной простотѣ и поразительной общности научныхъ положеній, являющихся непосредствен-

---

[1]) Ricardo.

[2]) Droz, Economie Politique.

нымъ результатомъ продолжительной индукціи, ведущей къ познанію величайшихъ истинъ, которыя вначалѣ совершенно не примѣтны, но едва только произнесутъ ихъ, какъ онѣ становятся такъ убѣдительны, что сразу и навсегда прекращаютъ всякой споръ о себѣ. Паденіе яблока навело Ньютона на открытіе закона всемірнаго тяготѣнія, и новѣйшая астрономія обязана этому открытію своимъ настоящимъ совершенствомъ. Когда была доказана тождественность молніи и электричества, то это послужило основаніемъ науки, которая дала намъ возможность извлекать пользу изъ великой силы природы и превзойти, въ этомъ отношеніи, все, когда-либо сдѣланное человѣкомъ. Но Кеплеръ и Галилей, Ньютонъ и Франклинъ навѣрно потерпѣли бы неудачу и не расширили бы области знанія, еслибы они приняли методъ Конта, которому онъ слѣдуетъ, пытаясь начертать систему соціальной науки.

Однакожъ, можетъ ли этотъ методъ совершенно замѣнить апріорическій? Но, слѣдуя аналитическому методу, развѣ мы необходимо должны отказаться отъ аналитическаго? Ни въ какомъ случаѣ. Каждый изъ нихъ есть необходимое приготовленіе къ другому. Такъ, напр., тщательныя наблюденія отдѣльныхъ фактовъ навели Леверье на мысль, что новая неизвѣстная планета должна существовать въ опредѣленномъ мѣстѣ неба, и она почти тотчасъ же была открыта. Тщательный анализъ различныхъ земель привелъ Дави къ тому положенію, что всѣ земли имѣютъ металлическія основанія,—одно изъ величайшихъ обобщеній, которыя намъ извѣстны и справедливость котораго ежедневно болѣе и болѣе подтверждается. Гёте чрезвычайно удачно выразился объ обоихъ методахъ, сказавъ, «что синтезъ и анализъ суть расширеніе и сжиманіе человѣческой мысли и составляютъ для нея второй процессъ дыханія,—будучи неразъединимы, а всегда пульспруя.» «Когда апріорическій методъ, говоритъ авторъ нижеозначенной статьи, [1]) сбиваетъ съ прямаго пути, то недостатокъ его состоитъ не въ томъ, что онъ опережаетъ факты и предупреждаетъ медленное заключеніе опыта, но въ томъ, что онъ довольствуется своимъ собственнымъ рѣшеніемъ и ограничивается частной поверхностной повѣркой вывода съ фактами,—о чемъ Бэконъ выразился такъ: notiones temere a rebus abstractas.»

---

[1]) Westminster Review, Oct. 1852, Art. Goethe as a Man of Science.

Если наука одна и нераздѣльна, то и методъ изученія долженъ быть одинъ. Справедливость этого въ отношеніи всѣхъ наукъ, лежащихъ въ основаніи соціальной науки,—т. е. физики, химіи и физіологіи,—не подлежитъ никакому сомнѣнію въ настоящее время; но существованіе такой тѣсной связи сдѣлалось очевиднымъ въ весьма недавнее время. Съ каждымъ новымъ открытіемъ это сближеніе становится тѣснѣе, и съ каждымъ новымъ открытіемъ мы видимъ, какъ тѣсно связаны явленія самыхъ абстрактныхъ наукъ съ успѣхами человѣка на пути къ высшему развитію, къ которому онъ, повидимому, предназначенъ. Пріобрѣтая съ каждымъ часомъ все большій и большій контроль надъ различными силами природы, человѣку становится возможнымъ жить въ болѣе тѣсной связи съ другимъ человѣкомъ, заготовлять большій запасъ пищи и одежды, совершенствовать свой образъ мыслей и дѣйствій и давать лучшее образованіе послѣдующему поколѣнію. Знаніе, ведущее къ такимъ результатамъ, должно служить основаніемъ для соціальной науки, которую мы предполагаемъ построить, и орудіе, столь успѣшно служившее для возведенія основанія, не можетъ не оказаться столь же пригоднымъ и при постройкѣ самаго зданія.

Къ соціальной наукѣ необходимо прилагать математику, какъ она прилагается теперь ко всякой отрасли изслѣдованія, и чѣмъ болѣе примѣняемъ мы ее, тѣмъ болѣе принимаетъ первая форму реальнаго знанія и тѣмъ тѣснѣйшими представляются ея отношенія ко всякой другой области знанія. Законъ Мальтуса былъ первымъ примѣромъ такого примѣненія, и еслибы онъ оказался справедливымъ, то политическая экономія пріобрѣла бы точность, къ которой она до того времени была совершенно неспособна, ставя человѣческій прогрессъ въ прямую зависимость отъ присутствія или отсутствія извѣстныхъ силъ въ почвѣ, на которой онъ живетъ. Тоже можно сказать и про знаменитую теорію поземельной ренты Рикардо, который старался установить начало естественнаго распредѣленія произведеній труда между работниками, надсмотрщиками и хозяевами земли, съ которой получены произведенія. Употребленный въ обоихъ случаяхъ методъ былъ правильный и, собственно говоря, примѣненіе его и выдвинуло этихъ писателей въ разрядъ первостепенныхъ экономистовъ и до такой степени возвысило ихъ значеніе, до какой не достигалъ ни одинъ изъ политико-экономовъ. Хотя они и впали въ помянутое заблужденіе, «ограничиваясь одной частной поверхностной повѣркой теоріи съ фактами», и, вслѣдствіе этого, создали теорію, прямо противоположную

вѣтшѣ, но, тѣмъ не менѣе, это отнюдь не должно уменьшать въ нашихъ глазахъ той громадной выгоды для успѣховъ науки, какая произошла бы въ томъ случаѣ, еслибы факты, разработанные этимъ методомъ, оказались справедливыми, и это не должно скрывать отъ насъ того громаднаго значенія, какое можетъ произойти, если примѣнить, насколько возможно, этотъ же методъ къ дѣйствительнымъ фактамъ.

Для поясненія нашего положенія, мы возьмемъ примѣръ.

Въ ранній періодъ общественнаго устройства, когда земли много, а людей мало, трудъ непроизводителенъ, и изъ небольшаго количества произведеній землевладѣльцы и другіе капиталисты берутъ весьма значительную часть, тогда какъ на долю работниковъ остается очень небольшая часть. Въ итогѣ же, значительная часть все-таки незначительна, такъ что и работникъ, и капиталистъ, оба бѣдны, и первый до такой степени бѣденъ, что онъ всюду встрѣчается рабомъ послѣдняго. Но, съ увеличеніемъ народонаселенія и богатства, самый трудъ становится болѣе производительнымъ, а количество землевладѣльцевъ уменьшается въ отношеніи къ количеству работниковъ, хотя и увеличивается въ числѣ. Что же касается до работниковъ, то они увеличиваются и въ числѣ, и въ своемъ отношеніи къ числу землевладѣльцевъ, и чѣмъ быстрѣе возрастаетъ производительность ихъ труда, тѣмъ значительнѣйшая доля изъ увеличившагося количества произведеній остается въ ихъ рукахъ. Такимъ образомъ, хотя пользы обоихъ остаются въ совершенной гармоніи другъ съ другомъ, но постоянно обнаруживается стремленіе къ установленію равенства состояній и прежній рабъ становится напослѣдокъ свободнымъ человѣкомъ.

Принявъ, что вышеизложенное разсужденіе вѣрно (а если это такъ, то оно какъ разъ утверждаетъ прямо противоположное тому, что говорили Мальтусъ и Рикардо), мы имѣемъ точное выраженіе математическаго отношенія между совокупнымъ измѣненіемъ власти человѣка и матеріею: между властью человѣка, представляющаго одни свои собственныя способности, и властью человѣка, олицетворяющаго совокупность успѣховъ, полученныхъ человѣческими усиліями надъ матеріею и ея силами. Задача соціальной науки, надъ разрѣшеніемъ которой трудились и эти писатели, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить отношенія человѣка къ внѣшнему вещественному міру. Эти отношенія, какъ мы видимъ, измѣняются,—и люди въ нѣкоторыхъ странахъ годъ отъ года пріобрѣтаютъ все большую и большую власть надъ природою; въ другихъ же они дѣлаются ея рабами. Но какимъ образомъ про-

исходитъ, что измѣненія въ одной странѣ стремятся произвести дальнѣйшія измѣненія въ ней или въ другихъ странахъ? Эти вопросы нуждаются въ математическомъ отвѣтѣ, но пока его нѣтъ,—какъ это видно изъ вышеприведеннаго чрезвычайно простаго положенія,—политическая экономія не можетъ оказать большей услуги соціальной наукѣ, какъ ту, какую оказали новѣйшей астрономіи наблюденія халдейскихъ пастуховъ.

Соціальная наука едва ли существовала до настоящаго времени. Чтобы создать эту науку, необходимо было сперва пріобрѣсть знаніе физики, химіи и физіологіи, дающее возможность наблюдать, какимъ образомъ человѣкъ пріобрѣтаетъ господство надъ различными силами природы и какъ онъ переходитъ изъ состоянія подчиненія въ положеніе повелителя природы. «Человѣкъ, говоритъ Гёте, познаетъ себя лишь настолько, насколько онъ познаетъ внѣшній міръ», и поэтому было необходимо, чтобы наиболѣе абстрактныя и общія отрасли знанія получили высшую степень развитія прежде, чѣмъ можно было съ успѣхомъ посвятить себя ученію болѣе конкретной, спеціальной и безконечно-разнообразной науки о законахъ, управляющихъ дѣйствіями человѣка въ отношеніяхъ его къ внѣшнему міру и къ себѣ подобнымъ. Но химія и физіологія возникли еще слишкомъ недавно. Столѣтіе тому назадъ люди ничего не знали о составѣ воздуха, которымъ они дышали, и только въ этотъ промежутокъ времени Галлеръ положилъ основаніе нынѣшней физіологіи. Даже въ самой физикѣ господствовало во многихъ школахъ аристотелево ученіе о четырехъ элементахъ, и теперь еще, вѣроятно, оно держатся въ тѣхъ изъ нихъ, до которыхъ не успѣла коснуться цивилизація. При такомъ положеніи дѣла, успѣхи въ знаніи того, насколько простирается власть человѣка относительно извлеченія изъ земли необходимыхъ запасовъ для постоянно возрастающаго населенія, могли быть весьма незначительны; а безъ этого знанія немыслима соціальная наука.

Наука требуетъ законовъ, а законы суть универсальныя истины, для которыхъ не существуетъ исключеній. Когда найдены законы, гармонія и порядокъ заступаютъ мѣсто хаоса, и мы въ каждомъ явленіи, къ какой бы области знанія оно ни принадлежало, должны видѣть естественное слѣдствіе извѣстныхъ и опредѣленныхъ причинъ и предвидѣть возобновленіе того же явленія, въ случаѣ стеченія тѣхъ же самыхъ причинъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ первый чело-

вѣкъ, когда онъ окончательно убѣдился въ томъ, что присутствіе и отсутствіе свѣта совпадаетъ съ восходомъ и закатомъ солнца.

Но гдѣ же, въ соціальной наукѣ, такое положеніе, справедливость котораго была бы всѣми признана? Такой истины нѣтъ даже ни одной. Столѣтіе тому назадъ, силу народа считали возрастающей вмѣстѣ съ увеличеніемъ народонаселенія, но теперь мы убѣждены въ томъ, что увеличеніе числа жителей приноситъ съ собой, вмѣсто силы, истощеніе. Каждый годъ появляются, въ настоящее время, новыя теоріи о законахъ, которымъ подчинено увеличеніе народонаселенія, а старыя теоріи измѣняются. Вопросъ о законахъ, по которымъ распредѣляются произведенія труда между собственниками и наемщиками земли, разсматривается теперь такъ же дѣятельно, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Изъ учениковъ Мальтуса и Рикардо едвали двое согласны во взглядахъ на теорію своихъ учителей. Сегодня говорятъ, что теорія Рикардо и Мальтуса погибла, а завтра мы узнаемъ, что всякое сомнѣніе въ ея справедливости считается полнѣйшимъ непониманіемъ дѣла. Къ довершенію всего этого, партіи, которыя высказываютъ эти мнѣнія, принадлежатъ къ одной политико-экономической школѣ. [1]) Усерднѣйшіе сторонники отмѣны всѣхъ стѣсненій въ торговлѣ сукнами принадлежатъ къ числу рьянѣйшихъ противниковъ свободы торговли деньгами; а между восторженнѣйшими друзьями конкуренціи въ продажѣ товаровъ мы находимъ самыхъ крайнихъ противниковъ конкуренціи относительно торговли временемъ и искусствомъ работника. Тѣ, которые радуются всему, что увеличиваетъ цѣны на сукно и желѣзо, какъ признаку улучшенія матеріальнаго положенія человѣка, за-

---

[1]) «We believe it (the Ricardo principle of rent) dominates in the long run, and is the main cause of the decline of nations. We believe the law of population to which Malthus first directed public attention to be founded in fact». London Spectator. Nov. 18, 1854.

«Nobody, except a few mere writers, now troubles himself about Malthus on population, or Ricardo on rent. Their error may yet indeed linger in the universities, the appropriate depositories for what is obsolete».—London, Economist, same date.

«En réalite ce phénomène, dont l'annonce soulevera tant de clameurs contre Malthus, me parait incontestable». Bastiat. Harmonies Economiques.

«La theorie de la rente, donnée par Ricardo, me semble demeurer intacte». Chevalier. De la monnaie.

«L'essai sur le principe de population, fut réellement nous devons le reconnaitre une révélation». Journal des Economistes, Oct. 1854.

нимаютъ первые ряды между тѣми, которые смотрятъ на увеличеніе трудовой платы, какъ на явленіе, стремящееся ослабить торговую дѣятельность. Писатели, учащіе о невмѣшательствѣ правительства въ дѣло надзора за распространеніемъ знанія въ народѣ, суть въ тоже время самые рѣшительные сторонники вмѣшательства, когда дѣло идетъ о мѣрахъ, ведущихъ къ войнѣ и разоренію. Однимъ словомъ, тутъ все до крайности сбивчиво и ничего нѣтъ установившагося. Результатъ такого положенія дѣла тотъ, что міръ смотритъ на это спокойно, ожидая того времени, когда ученые согласятся между собою въ томъ, чему же, наконецъ, слѣдуетъ вѣрить.

Для этого, существенно необходимо, прежде всего, прійти къ нѣкоторому соглашенію касательно пониманія различныхъ общеупотребительныхъ терминовъ, что до сихъ поръ почти вовсе не пытались сдѣлать. «Величайшій недостатокъ Адама Смита и, вообще, нашихъ экономистовъ, говоритъ архіепископъ Ватли, есть отсутствіе опредѣленій,» и, въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ представляетъ множество чрезвычайно разнообразныхъ опредѣленій столь важныхъ терминовъ, каковы цѣна, богатство, трудъ, капиталъ, рента, трудовая плата, прибыль, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что, вслѣдствіе этого, одно и то же слово употребляется однимъ и тѣмъ же писателемъ совершенно въ различныхъ смыслахъ, нерѣдко несовмѣстныхъ другъ съ другомъ. «Къ этому перечню, говоритъ онъ далѣе, можно бы прибавить много другихъ словъ, которыя часто употребляются безъ всякаго объясненія, даже не подозрѣвая ни малѣйшей необходимости въ такомъ объясненіи, точно какъ будто бы они были одинаково опредѣленны, какъ слова: треугольникъ и двадцать; вслѣдствіе этого, различные термины часто употребляются замѣчательными писателями какъ синонимы, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они не только выражаютъ совершенно различныя понятія, но даже прямо противоположныя.»

§ 7. Соціальная наука, какъ самая конкретная и субстанціальная между всѣми другими, ждетъ своего развитія отъ развитія остальныхъ наукъ.—Ея трудности. — Метафизическое изученіе человѣка должно уступить мѣсто методическому. — Физическіе и соціальные законы нераздѣльны въ изученіи общества; и всѣ относящіяся сюда явленія составляютъ одну науку.

Причины такого положенія дѣлъ легко объяснить. Между всѣми отраслями знаній, соціальная наука есть самая конкретная и специаль-

ная; она болѣе другихъ зависитъ отъ ранѣе возникшихъ и болѣе абстрактныхъ наукъ, — одна изъ самыхъ трудныхъ по собиранію и анализу фактовъ и, вслѣдствіе этого, позднѣйшая по времени своего появленія. Кромѣ того, между всѣми науками, она одна имѣетъ предметомъ интересы людей, ихъ чувства, страсти, предразсудки и, слѣдовательно, одна, для которой трудно найти такихъ людей, которые собирали бы факты съ единственною цѣлью вывести содержащуюся въ нихъ истину. Занимаясь отношеніями человѣка къ человѣку, она всегда встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны тѣхъ, которые стремятся достигнуть власти и привилегій, насчетъ своихъ ближнихъ. Наука, учащая подданныхъ сомнѣнію въ божественность происхожденія власти коронованныхъ лицъ, не можетъ пользоваться большимъ уваженіемъ со стороны послѣднихъ. Воинъ, въ свою очередь, отказываетъ въ довѣріи наукѣ, которая проповѣдуетъ уничтоженіе его ремесла; а монополистъ неохотно вѣритъ въ преимущества конкуренціи. Государственный человѣкъ, получающій средства къ жизни за завѣдываніе общественными дѣлами, отнюдь не желаетъ, чтобы народъ выучился самъ вести свои дѣла, безъ посторонняго участія. Ложь приноситъ пользу всѣмъ этимъ господамъ, и, слѣдовательно, они смотрятъ съ неудовольствіемъ на тѣхъ, кто намѣренъ проповѣдывать истину. Представитель крупной поземельной собственности вѣритъ въ одно ученіе, а его арендаторъ признаетъ другое; человѣкъ, платящій за трудъ, смотритъ на всѣ вопросы съ точки зрѣнія, прямо противоположной той, съ которой смотритъ на нихъ тотъ, кому онъ платитъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся, какъ уже выше замѣтили, съ затрудненіями, совершенно чуждыми всякой другой наукѣ. Астрономія проложила себѣ дорогу къ настоящему высокому совершенству, выдержавъ только временную оппозицію со стороны школъ, потому что ни одна изъ нихъ не была лично заинтересована въ этомъ настолько, чтобы отстаивать во что бы то ни стало вращеніе солнца вокругъ земли. Духовенство и свѣтскіе учители, дѣйствительно, одно время склонны были къ отрицанію движенія земли, но истина была доказана и оппозиція прекратилась. Тоже самое случилось, когда геологія начала учить, что земля имѣетъ гораздо долгайшее существованіе, чѣмъ прежде думали. Школы, державшіяся старины, поступили въ этомъ случаѣ точно такъ, какъ сдѣлали во времена Коперника и Галилея, и объявили еретиками всѣхъ, сомнѣвающихся въ точности принятой хронологіи; но хотя съ тѣхъ поръ протекло и не много времени, а оппозиція уже не суще-

ствуетъ. Франклинъ, Дальтонъ, Волластонъ и Берцеліусъ продолжали свои изслѣдованія безъ страха и оппозиціи, потому что никому не приходило на умъ, чтобы ихъ открытія затронули карманы землевладѣльцевъ, купцовъ и политиковъ. Соціальная наука до сихъ поръ еще находится, преимущественно, въ рукахъ схоластиковъ, которыхъ поддерживаютъ лица, извлекающія выгоду изъ невѣжества и истощенія народа.

У господъ, занимающихъ университетскія каѳедры въ Австріи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, отнята возможность учить тому, что неблагопріятно для божественныхъ правъ коронованныхъ особъ и что благопріятствуетъ увеличенію народной власти. Школьное ученіе во Франціи измѣняется отъ времени до времени, смотря по тому, деспотизмъ ли уступаетъ народу, или народъ деспотизму. Поземельная аристократія въ Англіи была крайне довольна, когда Мальтусъ убѣдилъ ее, что бѣдность и нищета народа суть необходимое слѣдствіе великаго закона, исходящаго отъ всевѣдущаго и всеблагаго провидѣнія; а промышленная аристократія, въ свою очередь, точно также довольна, считая доказаннымъ, что для общихъ интересовъ страны полезны мѣры, создающія обширные запасы дешеваго и дурно оплачиваемаго труда.

Казалось бы, что при идеѣ полнѣйшаго политическаго равенства, лежащей въ основаніи правительственной системы Сѣв. Ам. Штатовъ, мы вправѣ были бы ожидать отъ нашихъ отечественныхъ ученыхъ чего-нибудь другаго, если ужъ не лучшаго. Если это такъ, то мы жестоко ошиблись. Наши профессоры, съ немногими и рѣдкими исключеніями, проповѣдуютъ ту же соціальную науку, какая читается и заграницей лицами, для которыхъ ученіе о божественности правъ царей служитъ источникомъ существованія; и они проповѣдуютъ о самоуправленіи по книгамъ, изъ которыхъ ихъ ученики узнаютъ, что чѣмъ сильнѣе стремленіе къ равенству, тѣмъ сильнѣе ненависть между отдѣльными классами общества. Соціальная наука, какъ ее преподаютъ въ нѣкоторыхъ отечественныхъ университетахъ и въ Европѣ, стоитъ теперь на одномъ уровнѣ съ химіею, какою та была въ началѣ прошлаго столѣтія, и останется въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока наставники будутъ углубляться въ свой собственный умъ и продолжать изобрѣтать теоріи, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на великую лабораторію міра и собирать данныя для открытія законовъ. За неимѣніемъ такихъ законовъ, они постоянно повторяютъ фразы, лишенныя всякаго реальнаго смысла, и, по совершенно вѣрному выраженію Гёте,

тѣмъ самымъ «заставляютъ костенѣть не только свой собственный органъ мышленія, но и своихъ слушателей.» [1])

Контъ характеризуетъ теперешнее состояніе названіемъ метафизическаго; и это состояніе продлится до тѣхъ поръ, пока соціологи не убѣдятся въ томъ, что въ мірѣ существуетъ только одна система законовъ для управленія всею матеріею, будетъ ли это кусокъ угля, дерево, лошадь или человѣкъ, — слѣдовательно, существуетъ и одинъ методъ для изученія всѣхъ отраслей наукъ. «Листъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, точно такъ же относится къ цѣлому растенію, какъ микрокосмъ къ макрокесму,—онъ есть тоже растеніе, только въ миніатюрѣ; обоими управляетъ общій законъ, и, слѣдовательно, какъ бы ни были расположены части въ листѣ, мы можемъ быть увѣрены, что найдемъ тоже расположеніе и въ частахъ растенія, и обратно.» Тоже самое вѣрно и въ отношеніи древа науки и его разнообразныхъ вѣтвей; что истина для корней, то не можетъ не быть истиной для листьевъ и плодовъ его. Законы физическихъ наукъ тожественны съ законами соціальной науки, и всякое усиліе къ открытію первыхъ есть ни что иное, какъ прокладываніе пути къ открытію послѣднихъ. «На послѣдовательную смѣну поколѣній, говоритъ Паскаль, взятую въ цѣломъ, по отношенію къ времени и пространству, должно смотрѣть какъ на одного человѣка, всегда живущаго и непрерывно учащагося.» Поэтому, къ числу лицъ, способствовавшихъ основанію истинной соціальной науки, мы должны отнести знаменитыхъ ученыхъ, трудамъ которыхъ одолжены физика, химія и физіологія своимъ необыкновеннымъ развитіемъ въ нынѣшнемъ и прошломъ столѣтіяхъ.

Такимъ образомъ, поздѣйшій человѣкъ владѣетъ всегда бо́льшимъ запасомъ знанія, необходимаго для уразумѣнія причинъ различныхъ истори-

---

[1]) «The pagan, the idolater, the ignorant even of the Catholic church, worship their stocks and stones; and instead of regarding these as signs only shadowing forth what in its intellectual state, the human mind cannot otherwise express of its religious sentiments, takes the signs for the things they represent, and worships them as facts. We, too, worship our signs—our words. Let any man set himself to the task of examining the state of his knowledge on the most important subjects, divine or human, and he will find himself a mere word—worshipper; he will find words without ideas or meaning in his mind venerated, made idols of—idols different from those carved in wood or stone only by being stamped with printer's ink on white paper.»—Laing, Chronicle of the Sea Kings, Introd. Dissertation, chap. ii.

ческихъ явленій, по которымъ онъ можетъ предсказать событія, долженствующія произойти въ будущемъ отъ нынѣ существующихъ причинъ. Человѣкъ, въ самомъ раннемъ періодѣ, обладалъ очень немногими свѣдѣніями или, правильнѣе, однимъ только орудіемъ для ихъ пріобрѣтенія, и все, что онъ могъ пріобрѣсть, было чисто физическое, по своему характеру, и чрезвычайно ограниченное, по объему. Современный же человѣкъ нетолько обладаетъ обширными физическими знаніями, въ сравненіи съ тѣмъ, что было извѣстно столѣтіе тому назадъ, но, въ придачу, имѣетъ химію и физіологію, едва извѣстныя въ то время, и положительно знаетъ, что законы первой, наиболѣе абстрактной, тожественны съ законами послѣдней, наиболѣе конкретной и спеціальной науки. Поэтому, если справедливо положеніе Паскаля, что мы должны разсматривать безпрерывную смѣну людей, какъ одного человѣка, то можетъ ли быть, чтобы законы прежде возникшихъ и болѣе абстрактныхъ отраслей знанія не были точно также справедливы для наиболѣе конкретной и спеціальной науки, разсматривающей человѣка въ обществѣ? Это послужило бы очевиднымъ доказательствомъ, что наука одна и что части ея, хотя и различаются, подобно цвѣтамъ спектра, но производятъ, подобно солнечному лучу, одинъ яркій бѣлый свѣтъ. Доказать справедливость этого положенія составляетъ предметъ настоящаго труда.